

«Обновление христианского духа в современном обществе»

*Доклад председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона на **международном симпозиуме**, посвященном теме «Обновление христианского духа в современном обществе».*

Некогда христианский мир ассоциировался с Европой. Во второй половине XX века ситуация стала меняться. Общество быстро секуляризировалось, непреложность христианских традиций начали подвергать сомнению, и на первый план в общественной жизни были выдвинуты секулярные права и свободы. В результате сегодня многие страны Европы проводят политику дехристианизации и движутся к новому миропорядку, в котором христианство должно быть полностью изгнано из публичного пространства. Произошла радикальная перемена в сознании людей, связанная с тем, что изменилась шкала духовно-нравственных ценностей. Когда-то Т. С. Элиот писал: «Общество перестало быть христианским, когда оставило религиозные обряды, когда поведение перестало направляться христианскими принципами и когда в результате осталось одно стремление — к процветанию человека или группы людей в этом мире»[1].

В наше время секуляризм стал агрессивным, весьма опасными для гражданского мира, когда под предлогом свободы слова и самовыражения подвергаются оскорблениям и осмеянию чувства верующих и религиозные святыни. Во многих странах Европы и Северной Америки христиане оказались сегодня, по словам архиепископа Нью-Йоркского кардинала Тимоти Долана (Римско-Католическая Церковь), в состоянии «нового меньшинства», иногда даже внутри собственных церквей.

«Я имею в виду тех, — продолжает кардинал Долан, — кто, положившись на благодать и милосердие Божие, делают все возможное, чтобы сохранять достоинство и верность. Это супружеские пары, которые приходят в церковь освятить свой брак (в Северной Америке таковых лишь половина); это супружеские пары, которые, вдохновляясь учением Церкви о нерасторжимости брака, живут вместе, несмотря ни на какие трудности; это супружеские пары, которые принимают от Бога дар многодетности; это юноша и девушка, которые решают не вступать в связь до брака; это человек гомосексуальной ориентации, который выбрал путь целомудрия; это семья, в которой решили, что жена пожертвует успешной карьерой ради воспитания детей, — сегодня эти замечательные люди зачастую ощущают себя меньшинством в нашем обществе и порой даже в Церкви! Я думаю, таких людей гораздо больше, чем принято считать, но по причине внешнего давления они чувствуют себя маргинализированными».

Антихристанской по сути является и так называемая сексуальная революция, которая, по словам известного российского мыслителя С.С. Аверинцева, скончавшегося в 2004 году, «давно уже действует... агрессивно, развязывая моральный террор». Между тем секулярное общество, ориентированное, прежде всего, на удовлетворение индивидуальных потребностей, не может дать человеку ясных нравственных ориентиров. Кризис традиционных ценностей, наблюдаемый в обществе потребления, приводит к противоречию между различными предпочтениями, в том числе и в семейных отношениях. Так, крайний феминизм рассматривает материнство как препятствие к самореализации женщины, а с другой стороны обладание ребенком все чаще позиционируется как право, которое может быть достигнуто любыми средствами. Все чаще семья рассматривается как союз двух лиц вне зависимости от их пола, при этом собственный пол человек может теперь выбирать по личному вкусу.

Признание легальной возможности добровольного ухода из жизни, так называемой эвтаназии, в том числе и несовершеннолетних детей, — еще один зловещий результат мутации человеческого сознания под действием секулярной идеологии. Несовершеннолетний ребенок не имеет гражданской дееспособности: он, например, не может голосовать или самостоятельно вступать в сделки гражданско-правового характера, поскольку общество признает, что у него недостаточно возможностей для принятия ответственных решений. Однако государство дает согласие на детскую эвтаназию, полагая, что в этом акте оно (государство) придерживается принципов гуманизма и человеколюбия.

Аналогичное понимание прав человека приводит к тем же выводам для оправдания аборта, который трактуется как осуществление неотъемлемого права женщины распоряжаться своим телом и плодом. Отрицание личностного статуса плода — основополагающий принцип защитников аборт. Принятие и допущение аборта как юридически узаконенной практики, без публичных этических ограничений и разъяснений, — симптом глубочайшего морального кризиса общества.

Власти ряда стран Европы и Америки, несмотря на многочисленные протесты, продолжают вести политику, сознательно направленную на уничтожение самого понятия семьи. Они не только законодательно приравнивают однополые союзы к браку, но и уголовно преследуют тех, кто в силу своих христианских убеждений отказывается такие союзы регистрировать. Сразу после завершения визита Папы Франциска в США в этом году Президент Б. Обама открыто заявил о том, что права гомосексуалистов важнее религиозной свободы. Это ясно свидетельствует о намерении секулярных властей продолжать наступление на здоровые силы общества, защищающие традиционные семейные ценности. При этом «новые ценности», рожденные из секулярной идеологии, представляют как универсальные и общечеловеческие, навязывая их всем без разбора, вопреки национальным, религиозным и культурным особенностям того или иного

народа или государства.

Сегодня предпочитают говорить о ценностях, а не об истине, чтобы не вступать в конфликт с идеей толерантности и демократическим релятивизмом. Но подобная подмена терминов не снимает вопроса о ценностях истинных и ложных, абсолютных и относительных. Новые ценности настойчиво и назойливо навязываются меньшинством большинству, и вот уже большинство склоняется к принятию этих ценностей, несмотря на их очевидное противоречие самой человеческой природе.

Секулярная идеология превращается в самодовлеющую силу, не терпящую инакомыслия. Она позволяет хорошо организованным миноритарным группам с успехом навязывать свою волю большинству под предлогом соблюдения прав человека. По сути, права человека превратились в инструмент манипулирования большинством. Таким образом, борьба за права человека становится диктатурой меньшинства по отношению к большинству.

Христианская этика, оставаясь верной самой себе, при любой степени такта и миролюбия со стороны своих носителей, неизбежно становится вызовом тому секулярному умонастроению, которое сегодня празднует победу и стремится принудить всех инакомыслящих к безоговорочной капитуляции. Но для нас, христиан, абсолютной истиной остается Христос, и главными ценностями — его заповеди. По словам Т.С. Элиота, «Отстаивая истинность христианства, некоторые делают упор на то, что христианство служит основанием нравственности, хотя начать следовало бы с того, что необходимость христианской морали вытекает из истинности христианства».

Секулярное общество сегодня не прислушивается к тем, кто, подобно Юргену Хабермасу, отстаивает право религиозных людей на свободу самовыражения. Философ писал: «Мировоззренческая нейтральность государственной власти, гарантирующей равные этические свободы каждому гражданину, несовместима с политическим распространением секуляристского мировоззрения на всех людей. Нерелигиозные граждане, поскольку они выступают в роли граждан государства, не должны принципиально отказывать религиозному видению мира в потенциале истинности и не должны отнимать у верующих сограждан права вносить с помощью религиозных понятий свой вклад в общественную дискуссию»**[2]**.

Как это ни парадоксально звучит, современный мир проявляет нетерпимость к христианам во имя толерантности.

Актуальными становятся слова «Послания к Диогнету», памятника II века, в котором отразилась необыкновенная высота и свобода раннего христианства. «Послание» напоминает, к чему мы как

христиане призваны и кем должны быть: «Христиане не различаются от прочих людей ни страной, ни языком, ни житейскими обычаями... Только их учение не есть плод мысли или изобретение людей, ищущих новизны, они не привержены к какому-либо учению человеческому... они представляют удивительный и поистине невероятный образ жизни. Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; имеют участие во всем как граждане и все терпят, как чужестранцы... Они вступают в брак, как и все, рожают детей, только не бросают их. Они... повинуются постановленным законам, но своею жизнью превосходят самые законы. Они любят всех и всеми бывают преследуемы (гл. 5)... Что в теле душа, то в мире — христиане. Душа распространена по всем членам тела, и христиане - по всем городам мира. Душа, хотя обитает в теле, но не телесна, и христиане живут в мире, но не суть от мира (Ин. 17. 11; 14. 16)... Плоть ненавидит душу и воюет против нее, ничем не будучи обижена, потому что душа запрещает ей предаваться удовольствиями, так и мир ненавидит христиан, от которых он не терпит никакой обиды, — за то, что они вооружаются против его удовольствий[3].

Это было сказано еще до рождения «христианского мира», когда верующие во Христа нуждались в защите, но не просили ее. Все их упование было только на милосердие Божие.

Наша страна пережила гонения на христиан, подобные гонениям первых веков христианской эры. Постановления «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и «О религиозных объединениях» 1929 года ставили Русскую Православную Церковь вне закона. Гонения на духовенство и верующих то затухали, то вспыхивали с новой силой как в довоенный период, так и в период после окончания Второй мировой войны. По числу мучеников, за веру пострадавших, Русская Церковь многократно превзошла сонм христианских мучеников, принявших страдания в первые века гонений со стороны языческой Римской империи.

В годы безбожия, когда нашему народу насильственно прививали атеизм, огонь веры Христовой продолжал гореть в сердцах исповедников, а культура в известной степени продолжала оставаться носителем тех христианских ценностей, которые были заложены в основу цивилизационной идентичности восточных славян еще с крещения Руси. Может быть, именно поэтому Русская Православная Церковь так остро чувствует новое наступление на Христа и на веру в Него. Наша страна хранит память о миллионах жертв атеистического режима. Многие тысячи российских христиан разных конфессий, жестоко преследовавшихся в советское время, живы и поныне. Они напоминают нам завет апостола Павла: «Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков» (1 Кор. 7. 23).

Враги христианства меняют личину, методы, формы своей борьбы, но суть и цель остаются прежними — ослабить веру до полного ее уничтожения. Нельзя допустить, чтобы, по словам С.С. Аверинцева, этика сопротивления, одновременно мирного и непримиримого, выработанная

противостоянием тоталитарным режимам, оказалось бы утраченной христианством завтрашнего дня. Ибо сопротивление этому при всех условиях остается христианским императивом, христианской жизненной нормой; сопротивление князю мира сего — и тогда, когда оно лишь косвенно относится или вовсе не относится к сфере политики. «Не сообразуйтесь веку сему», — учил нас апостол Павел (Рим, 12. 2): наша душа, наш дух не должны угодливо подлаживаться к духу времени, к наличному — и преходящему — состоянию мира... Но политический конформизм — лишь одна из возможностей зла; в определенные времена и в определенных условиях куда опаснее конформизм стиля жизни, конформизм моды, конформизм духа времени. Христианин, который не готов к тому, что на него будут косо смотреть, а то и смеяться ему в лицо за то, что он, как-никак, живет иначе, чем живут чада мира сего и чем требует «современный вкус», не заслуживает того, чтобы именоваться христианином [4].

Но если противостояние секулярному и греховному всегда было задачей Церкви, то теперь сложилась новая реальность, когда секуляризм и грех распространяются внутри христианских сообществ.

Церковь призвана быть светочем и маяком во тьме века сего, а христиане — «солью земли» и «светом миру». Мы все должны помнить грозное предупреждение Спасителя: «Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на погребение людям» (Мф. 5. 13-14). Такой солью, потерявшей силу, становятся в наше время некоторые протестантские сообщества, называющие себя христианскими, но проповедующие нравственные идеалы, несовместимые с христианством. Если в подобного рода сообществе вводится ритуал благословения однополых союзов, а женщина-лесбиянка, именуемая «епископом», призывает снять с портовых церквей кресты и заменить их на мусульманские полумесяцы, можно ли называть это сообщество «церковью»? На наших глазах совершается предательство христианства теми, кто готов идти на сделку с секулярным, обезбоженным и расцерковленным миром.

Вот почему следует говорить сегодня об обновлении христианского духа. Мы, православные, понимаем его по-своему. Русский философ Иван Ильин писал: "Дух христианства не буквенный, не педантический, не регулирующий; но обновляющий и освобождающий. Усвоение его совершается не в законническом толковании слов и текстов, но в усвоении любви и веры, совести и свободы... Обновиться по-евангельски — цельно и до дна, — дано не каждому. Но вступить на этот путь или, по крайней мере, попытаться вступить на него — может и должен каждый; во всяком случае — каждый, серьезно помышляющий о христианской культуре. Это обновление совершается так, что при чтении Писания читающий не регистрирует своим пониманием сказанное, но пытается отыскать и укрепить в себе самом, а если нужно, то впервые создать в себе самом описываемое в тексте: вызвать в себе чувство милосердия и предаться ему; вызвать в

себе раскаяние и творчески пережить его, помыслить сердцем совершенство Божие и пробыть в нем, пока не наполнятся им сердце и воля (акт совести); найти в себе силу любви и обратить ее (хотя бы на миг) к Богу, и потом — к людям и ко всему живому... Это есть начало: христианин приступает к «совлечению ветхого человека» (Кол. 3:9-10; Еф. 4:22) и к утверждению в себе нового. Этому новому человеку и откроется подлинная божественность Христа. И все это должно совершаться в сердце и чувстве, но не только в них; — умом, но не только умом; волею, но и делами; верою, но и делами; и прежде всего и больше всего — живою любовью" (Ильин И.А. Основы христианской культуры).

Русская культура всегда была глубоко христианской и христоцентричной. Она оставалась таковой и в ту эпоху, когда ценности секуляризма стали активно насаждаться в нашем отечестве.

Достоевский был не просто глубоко христианским писателем, но в каждом из своих романов и во многих своих литературных образах он заново для себя и для читателя открывал и переживал образ Христа. Ведь те хриstopодобные образы, которые он создает, будь то князь Мышкин или Алеша Карамазов, старец Зосима, Тихон и целый ряд других, — это попытка прикоснуться к тайне Христа и через свой собственный опыт передать эту тайну, которая скрыта в Евангелии, но раскрывается, в том числе, и через опыт жизни Церкви.

Я убежден, что для обновления христианского духа мы, православные, нужны христианам Запада, так же как и западные христиане нужны нам. Еще раз вспомню мудрые слова Сергея Сергеевича Аверинцева, истинного христианина, болевшего душой за будущее нашей веры:

"Христианский Запад остро нуждается сегодня в православном чувстве тайны, «страха Божия», онтологической дистанции между Творцом и тварью, в православной помощи против эрозии чувства греха; иначе те среди сынов и дочерей Запада, которые не устанут искать религии, достойной этого имени, будут все чаще уходить в сторону Востока нехристианского, — например, в сторону Ислама. Но и христианскому Востоку не обойтись без западного опыта более чем двухвековой жизни веры перед лицом вызова, брошенного Просвещением, без всего, что оказалось «наработано» западной рефлексией над проблемами нравственного богословия и сопряженного с ним богословия права, без западного вкуса к терпеливому различению нюансов, без императива интеллектуальной честности; иначе жизненное право демократической цивилизации будет вновь и вновь разыгрываться у нас как козырная карта против христианства, которую на уровне веры «малых сил» крыть окажется еще раз нечем. Западное христианство так часто вправе напомнить нам: «Братия! не будьте дети умом» (1 Кор. 14, 20). Мы же иногда имеем основания напомнить нашим западным братьям: «Начало мудрости — страх Господень» (Прем. 1. 7)" (Цит. соч., с. 89).

Сегодня мы не можем не вспомнить и о той беде, которая постигла христиан на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Их трагедия болью отзывается в сердцах миллионов верующих во Христа по всему миру.

В результате так называемой «арабской весны» преследования и истребление беззащитных христиан приобрели масштаб подлинного геноцида. Боевики делают все, чтобы изгнать христиан из их собственных земель, на которых они живут целыми поколениями на протяжении вот уже двух тысяч лет. Разрушены древнейшие храмы и монастыри, многие христиане лишены жизни, имущества. В условиях войны идеология экстремистов стала весьма привлекательной для определенных групп населения.

Этой идеологии мы должны противопоставить единый голос людей веры, свидетельствующий о непреходящих евангельских ценностях. Сегодня история дает всем нам, христианам, шанс для совместной работы по спасению верующих во Христа Иисуса, которые сотнями погибают на Ближнем Востоке, тысячами и сотнями тысяч покидают свои дома. Все вместе мы должны следовать завету нашего Господа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15. 13) и обновить в себе дух христианской солидарности в общих трудах по спасению человеческих жизней и самого христианства в этих землях.

Все мы призваны помнить слова апостола Павла, как никогда актуальные в наши дни: «...Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12. 2).

[1] Eliot T.C. The Idea of a Christian Society. 1988. P. 9-10.

[2] Цит по: Диалектика секуляризации. М., 2006, с. 74–75.

[3] Послание к Диогнету 5-6.

[4] Аверинцев С. Несколько соображений о настоящем и будущем христианства в Европе. — В кн.: Нравственные ценности в эпоху перемен. М., 1994. С. 88.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/49999/>